

ОРАНЖЕРЕЯ ЛЮБВИ

ANAR AYIUGEN

ANAR AYUGEN

Оранжерея Любви

<https://litres.ru/74004363>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марсель Нуар однажды уже пережил любовь всей своей жизни и решил, что второго раза не будет. Айрин Мун всю жизнь ищет любовь, но каждый раз сбегает, когда она оказывается слишком близко. Их случайное знакомство начинается с затопленного сада, взаимного раздражения и споров о том, что такое настоящая любовь. Но чем сильнее они пытаются доказать друг другу свою правоту, тем труднее игнорировать чувства, которые меняют их обоих. Иногда, чтобы впустить любовь в сердце, нужно сначала перестать бояться боли.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

ANAR AYUGEN

Оранжерея Любви

Глава 1

Повилика против Стамески

Марсель проснулся в полной темноте, как всегда. Долго ворочался в кровати, пытаясь снова уснуть, но режим не позволял. Между блэкаут-шторами остался тонкий зазор, и сквозь него солнечный свет, точно лазер, бил ему в глаза.

В доме снова воцарилась тишина. Вчерашний шум от новоселья соседки мешал уснуть: визги девушек со двора долетали до его веранды. Тогда он горбился над каменной скульптурой, и когда стамеска прошла чуть криво, забрав больше материала, Марсель отшвырнул инструмент в сторону. Металл стукнул о плитку веранды и укатился в сад. Это был первый случай за год, когда внешний шум нарушил выстроенную рутину.

Вспомнив о стамеске, он заставил себя встать с кровати. Инструмент Марсель купил неделю назад — не хотелось, чтобы его испортила влага.

Его дом — его гордость. На него удалось подкопить с по-

мощью нескольких дизайнов квартир и заказов скульптур. Мебель обновил благодаря коротким сценариям для рекламных роликов. И, конечно же, ему помог выстреливший в социальных сетях короткометражный фильм «Звездопад». До этого он еле успевал закрывать ипотеку в срок. Марсель не планировал заработать на этой идее, просто так удачно совпало, что люди любили романтику. Когда он снимал короткометражку, то хотел лишь найти ответ почему его разлюбили, почему предали и оставили одного. Эмоции бушевали в нём внутри, как волны бились о скалы, и только алкоголь помогал заглушить их. Будь Марсель сговорчивее, то смог бы поделиться, но затея казалась ему бесполезной. Он бы только сильнее погружался в отчаяние, помнил бы о своей безнадёжности и жалости. Работа над «Звездопадом» помогла ему отпустить переживания и сказать себе, что самой сильной любви не обязательно быть до самой смерти.

Шторы раздвинулись по нажатию кнопки пульта. В комнате, полной бежевых и черных цветов, царил порядок. Кроме небольшого стола, на котором собралась пыль и хаотично лежали листки сценария его новой короткометражки вместе с маркерами. Пыль удалось небрежно смахнуть рукой, а бумаги аккуратно сложить в стопку.

Марсель замер и посмотрел на фотографии висевшие над столом. Каждый раз он смотрел на счастливого себя в помаде, которого целовала его первая любовь — Луна. Их сфотографировал Майкл — друг детства.

Кажется, он и был инициатором арендовать небольшой домик в горах. Они решили отпраздновать удачную сдачу экзаменов. Марселю удалось сохранить стипендию, а Майклу остаться на ещё один год после ужасных семестров. В тот период они только начали встречаться с Луной после долгих годов намёков и взглядов. И пусть свободное время они тратили на обучение в библиотеке с Майклом, это не мешало им целоваться между книжными полками. Всё это произошло так давно.

Он вспомнил, каким был до отношений с ней. Марсель отличался скрытностью, но любил конкретику. Если обещал написать, то писал. Если говорил, что во вторник позовёт на свидание, то звал. После разрыва с Луной, незнакомые лица улыбкой, морщинкой во внутренних уголках глаз напоминали ему о ней. Марсель ощущал, как бежал от женщин, потому что видел в них Луну. Его стала пугать близость, о которой он когда-то мечтал. Тогда он ходил на бесполезные свидания, но пропадал при первом намёке на сближение. Рана на сердце не затягивалась другими и после череды встреч, как результат, Марсель закрылся в себе ещё сильнее. В какой-то момент он убедил себя, что в берлоге безопаснее и проще.

Марсель, отряхивая ладони, прошаркал в тапочках до ванной комнаты. Кучерявые волосы спутались, не позволяя расчески с первого раза проскользнуть. С горем пополам, вырвав себе пару волосинок, он собрал их с расчески и бросил

в мусорку. Слегка хлопнув себя по животу, он вернулся к волосам и выдавил немного геля, чтобы придать формы. По утрам он не ходил в душ, предпочитал это дело вечером, так как ленился делать это дважды. Спросонья он умывал лицо специальным средством и каждый третий день брился, а после — наносил крем, чтобы избежать раздражения. В стаканчике у раковины стояли ирригатор, скребок для языка, зубные нити и электронная зубная щетка, а также специальная жвачка для перебивания запаха табака. Не то, чтобы он любил порядок и чистоту, просто подобная рутина однажды вытащила его из дурного настроения, из-за которого два года жизни прошли в унынии.

Марсель вытерся полотенцем и бросил его сразу же в корзину для грязного белья. Он захватил по пути футболку со дверцы шкафа и надел её, пока спускался по лестнице, хотя сколько раз его жизнь учила не делать этого. Однажды даже сломал руку и не смог заниматься скульптурой четыре месяца. Он спихнул это на неудачу и уверил себя, что такого больше не произойдет. К счастью, отсутствие одного рода деятельности заменило другое — создание коротких роликов.

Видеосъемка — очередное хобби для души. Такое же непрофессиональное, как и фотография в его жизни. Талант, который сделал бы его мировым режиссёром, при нём не имелся. Впрочем его это не расстраивало, даже наоборот. Марсель боялся возможной шумихи вокруг своей персоны.

Кафель на кухонном полу охлаждал разгоряченные сто-

пы. За окном светило солнце, но он не ощущал тепла. Тишина оставляла пространства для размышлений. В последние годы у него много времени на себя, что вроде бы радовало его, но изматывало жвачкой мыслей. Пережевывание по кругу двигало его к одной мысли — может быть, совсем чуть-чуть, он желал перемен. Он прошел к холодильнику, вытащил два яйца и засмотрелся на опустошенные полки. В отдельном отсеке у него находились банки газировки и сушеные кальмары для пива. Соки и молоко он разливал по стеклянным графинам и всегда ставил в боковой отсек. Овощи и фрукты он сначала замачивал в соде, тщательно ополаскивал все горячей водой, давал высохнуть им и только потом раскладывал в нижнюю полку. Распаковка продуктов успокаивала нервы.

В целом, Марсель любил работать руками: так он отвлекался или же наоборот рассуждал сам с собой. Ему даже нравилось мыть посуду, но это шло в никакое сравнение со скульптурой. Корпеть над ней он мог часами, не замечая боли в спине.

Марсель усмехнулся, заметив дрожь в руках, когда сильно сжал яйцо и ударил об край сковородки. Пальцы впились в острые концы скорлупы и окунулись в сырую жидкость. Оно вязко потянулось к сковороде и упало туда с характерным звуком. Нагретое оливковое масло стреляло, но он этого не замечал и деревянной ложкой пытался придать красивую форму яйцу. Когда удалось воссоздать красоту формы,

он проделал то же самое со вторым.

В выходные дни Марсель завтракал снаружи и старался делать это рано, чтобы застать утреннюю тишину. Вид неба помогал ценить простые вещи, а природа напоминала о частых вылозках с друзьями в горы или совместные посиделки на заднем дворе. Марсель переложил яйца на тарелку, взял кусочек гречишного хлеба и положил ложку хумуса с краю. Он питался сбалансировано, потому что потолстел после тяжелой депрессии и теперь бургеры он мог заказать только во снах.

Из вредного остались курение сигарет и алкоголь в компании незнакомцев в тихом баре. Иногда он любил послушать джаз с бокалом красного в руке. Больше он пить себе запрещал: его настроение портилось и в голову лезли воспоминания с похорон отца, расставания с Луной. Марсель избегал этого. Сигареты дополняли его быт, особенно, в выходной бранч на заднем дворе.

Кофемашина издала характерный писк. Марсель взял латте одной рукой, другой — тарелку с едой, и прошаркал на задний двор через мастерскую.

На заднем дворе, рядом с прудом, была оранжерея. Туда он больше не заходил. Место, которое создавалось как олицетворение его любви, стало лишь горьким воспоминанием. Ему не хотелось признавать, что одного взгляда на пристройку оказывалось достаточно, чтобы сбить его с мыслей. Хотя он каждый день говорил себе, что расставание осталось в

прошлом.

Это место он строил с надежной в их будущее. Луна любила цветы.

Он нарочно посмотрел куда-то вверх. Тапок проскользил по полу. Как в детстве, на льду, пришлось размахивать руками в попытке удержать равновесие. Кофе пролился на одежду и кожу — ему пришлось закусить губу, чтобы не закричать. Глиняная тарелка разбилась с глухим треском. Удар пришёлся на затылок и затуманил взгляд. Марсель приподнялся, чтобы оценить погром. Рядом лежал кусок хлеба, который он сжал в руке и разломал. Гречишный хлеб раскрошившийся в кулаке. Яичница вытекала на пол с разбитой тарелки. Увидев эту грустную картину, Марсель опустил голову и повернул вбок, увидев вчерашнюю стамеску.

А вокруг неё — лужицу воды, которая тонкой струей дошла до центра. Марсель смял хлеб сильнее и закинул за раз в рот, позабыв о грязном поле и липкой футболке.

Он поднялся и прошёл к стамеске. Садовый шланг лежал сложенный в углу двора, вода из стоявших рядом вёдр не расплескалась, а погода третий день радовала солнцем. Ответ пришел, когда он увидел влажную землю и плитку возле забора, за которым жила новая соседка. Его глаз задержался, когда он увидел грязную лужицу и как она расползлась по белому кафеля.

В любой другой день он сначала бы разобрался с яичницей на полу и осколками, заново приготовил завтрак и лишь

потом, возможно, под самый конец рабочего дня, оставил бы небольшую записку у соседа на почтовом ящике с просьбой так не делать.

Затем он отвлекся на стамеску. Вспомнил неприятно громкий смех соседки и ее гостей. Взяв инструмент и осмотрев его, Марсель вскипел окончательно: железная часть погнулась и починить ее самостоятельно он не сможет. Падения его подружка всё-таки не выдержала.

Он с недовольством посмотрел на крышу соседнего дома. У соседей тишина.

Стамеска полетела в урну на кухне, не удосужившись прощального взгляда. Марсель надел кроссовки без носков. Сжал кулаки, хлопнул дверью, не закрыв на ключ, и пошел твердым шагом в сторону соседки.

Воображение подкидывало образ девушки, которая не имела личных целей и желаний, просто существовала день за днём. Марсель ощущал, что они не поладят.

Улица Садовая, где он жил, собрала ценителей спокойствия. Ни одной машины. Только в двадцати метрах напротив дома старая бабка раскрывала тканевую вывеску столовой-бара. Марсель скользнул скучающим взглядом по ней: черные, вперемешку с седыми, волосы, темно-зеленый халат, который она надевала каждый день, и струйка дыма от сигареты. На этой улице отравляли воздух только двое: Марсель и она.

Звали ее Ханна — вдова бывшего полицейского. На ста-

рости лет переделала первый этаж в бар и закусочную. Марсель с ней часто ругался из-за невкусной дряни в ее баре. Она, тоже с характером, сразу гнала его в шею. Однако они как-то поладили, когда он пришел к ней совсем разбитым, чтобы выпить. Тогда она впервые его не прогнала, что-то проворчала и поставила стакан с виски на барную стойку.

Марсель хмыкнул воспоминанию и прикусил капсулу сигареты.

Ханна обернулась, видимо, не ожидая кого-то увидеть в такое время. Пепел с ее сигареты коснулся морщинистой кожи на ладони и Ханна зашипела, прижав это место пальцами.

— Черт с сигаретой в зубах, ты чего тут пасешься?! Не рано ли стоять посреди улицы и пугать бабку?!

Марсель закатил глаза и вынул сигарету, положив за ухо до лучшего момента. Выслушивать ее с утра хотелось меньше всего.

— Ага, вы себя по утрам видите, бабуль, и каким-то чудом остаетесь живы, поэтому не придумывайте.

Дальше он не стал поддерживать разговор, хотя в спину ему прилетел камушек и громкие крики Ханны. Внимание забрал соседский дом. Желтый цвет стен, оранжевая черепица и темно-зеленые ворота. Внешний вид остался от прежней семьи, которая жила там. Марсель так и не попрощался с ними: он застал лишь последние коробки у дороги и детский смех, перекатывающийся по тротуару. После этого тишина стала привычнее.

Ворота оказались открытыми. Марсель несколько раз постучал по металлу, но никто, кроме чужих соседских собак, не отозвался. Когда лай затих, он зашел внутрь и увидел тропу, которая вела на задний двор.

Отсутствие ответа напрягло. Всё-таки ему хотелось увидеть в лицо женщину, которая доставила столько хлопот.

— Эй! Вода заливает.

Он слышал журчание. «Закрою кран и ничего страшного. Потом скажу, чтобы не забывала закрывать его», — кивнул он своим мыслям, при этом чувствуя, что совершает что-то неправильное.

Как только он ступил на задний двор, Марсель крепче сжал кулаки крепче. Земля пропиталась влагой и легкий запах сырости витал в саду. Из шланга вытекала струя, которая успела намочить всю каменную дорожку, ведущую к чайному столу. Недалеко от стола, возле входной арки, находилось кладбище сорняков, вырванных в прошлые выходные, поверх них лежали садовые перчатки, секатор и солнцезащитные очки с панамкой. Издали они напоминали травяной сбор ведьмы, желавшей убить им соседей. Вокруг чайного стола не валялись выпавшие цветки. Стол был завален: на нём стояли стопки книг, кружка с засохшим кофе, который пролился когда-то на бумаги рядом. Рядом лежал дневник — единственный чистый предмет, открытый и аккуратным почерком заполненный. Под столом — тапочек с заячьими ушками, второй лежал перевернутым подальше, возле шлан-

га, застрявшим в вязкой грязи. На сидушке стула стоял отбеливатель, рядом с ним — степлер и тряпка из микрофибры. Сад не выглядел совсем запущенным. Лимонные деревья как-то цвели, а арку как будто покрасили недавно. Но новая хозяйка явно не заботилась о порядке, раскидывая вещи тут и там.

На столе также лежал дневник — единственный чистый предмет, открытый и аккуратным почерком заполненный. Марсель подошел к нему и прошелся взглядом по ровному почерку.

— “Посмотреть интервью с чуваком, который считает, что Земля плоская на канале Хибабибу”, — прочитал вслух одну из задач.

От блокнота было мало пользы, к тому же, Марсель не любил трогать чужие вещи. Однако в этот раз не смог удержаться. Ему казалось странным, как в этом хаосе могло быть что-то аккуратным.

Марсель развернулся: там находилась полукруглая студия из стекла. Он подошел ближе. За разглядыванием книжных стеллажей, мольбертов и разбросанных книг на полу, он не сразу заметил, как у стекла на диване спала она — его личная нарушительница покоя. Сладко свернулась калачиком в пледе, пока его земля в саду мокла, яичный желток застывал слизию на кафеле вместе с кофе. Марсель хмыкнул, сдерживая себя от желания ударить кулаком по стеклу и разбудить ее.

Вместо этого, он выдохнул, прикрыл глаза и пошел в сторону работающего крана. Сначала Марсель нашел сам шланг, который головой упирался в забор, что разделял их сады. Так он и вышел на запрятанный ржавый кран в углу сада, вокруг которого небрежно вырвали сорняки. Два поворота — и потоп остановлен. Марсель помотал головой и присел, убрав остатки твари. Если их не убрать нормально, то здесь снова все зарастет. К счастью, его соседка не столкнется с подлостью сорняка повилика, которая желтыми стеблями обхватывала насмерть растения.

У арки тоже валялись остатки повилики — тонкие рыжие и желтые нити. Видимо, сил на борьбу не осталось, но такими темпами они вообще убьют всю жизнь в этом саду. Марсель взял содранные остатки и вернулся в центр сада. Его остановило внеплановое пробуждение соседки. Он застыл, словно этими сорняками его удерживала за руку сама земля. Она встала на диван, лицом к саду, и потянула руки вверх. Серая длинная толстовка потянулась вслед, открывая живот и показывая пижамные шорты. Она раскрыла глаза и увидела Марсея.

Девчачий визг заполнил пространство и дополнился громким падением с дивана.

Пустота в голове не давала ему действовать. Он стоял и сжимал сорняки все сильнее, отчего меж пальцев струилась роса, смешанная с зеленым соком стеблей. «Стамеска, стамеска, помни об испорченной стамеске!» — собрал себя он и

вернул прежнюю морщину между бровями и плотно сомкнутые зубы. Пока он размышлял о том, что будет говорить, девушка исчезла. Через некоторое время он услышал хлопок входной двери и приближающийся стук каблуков. Соседка вышла: в той толстовке, пижамных шортах и в туфлях лодочках с разными носками.

— Не могу найти свои тапки.

Её взгляд бегал по саду и зацепился за тапок под столом. Марсель это заметил:

— Второй — чуть дальше, и он весь в грязи.

Она кивнула и сняла резинку для волос с руки. Пару махинаций, — и она смогла собрать густые черные волосы в высокий хвост. Взгляд ее упал на минималистичные татуировки Марселя, затем — на сигарету за ухом. В этот момент она широко раскрыла глаза и проглотила слюну с таким усилием, словно запихнула в себя большой кусок мороженого.

— Вы, кажется, мой сосед? Ханна описывала вас и имя ваше сказала

Он видел, как она сразу же прикусила губу, отведя взгляд в сторону.

— Могу представить как, — он почесал затылок и цокнул, опять отходя от темы. — Как вас зовут?

— Айрин.

Айрин, скорее всего, знала о нем много подробностей от бабки Ханны. Он не удивлен, если она проболталась о его разбитом сердце и вышедшей короткометражке. Марсель

выдохнул. Больше он не будет тратить время на мысли о том, что о нем думают незнакомцы.

— Айрин, я к вам с одной просьбой: кран в саду надо закрывать, чтобы не затапливать чужие дворы. По утрам я по мокрому полу кататься не хочу.

Марсель прочесал пальцами кучерявые черные волосы и сжал их у корня. Он глянул на нее. Ноздри Айрин на секунду расширились, а брови нахмурились. Словно совладав с собой, она выпрямилась и приподняла лицо, шагнув к нему. Короткие шпильки вонзились в слой мокрой грязи. От этого зрелища Марсель поморщился.

— Простите, я правда не хотела.

В ее голосе ощущалась напористость, а во взгляде ни крупинки смущения за доставленные неудобства. Её ладони перебрались на талию, со стороны, будто она отчитывала его.

Марсель сделал шаг назад и наступил на использованную тканевую маску. Он коротко прокашлялся.

— Дело не в желании. Внимательнее надо быть, — сказал он.

Айрин кивнула, убирая прядь с лица. Марсель еще раз одарил взглядом грязную обувь и цветные носки, когда она сделала шаг назад, на каменистую тропинку.

Пауза. Он уже хотел уйти, но услышал:

— Спасибо, но обойдусь без ваших советов.

— Тогда следите хотя бы за водой.

— А вы за тоном, Марсель.

Молчание.

Он кивнул коротко не оборачиваясь, не желая показывать ей лица.

— Принято, — он прошел к выходу и бросил напоследок, помахав повиликой. — Вам нужно сад в карантин поместить или заново посадить лимонные деревья. Удачи.

Рот Айрин приоткрылся, будто она не понимала масштаб проблемы. Марсель махнул рукой — не его заботы, чтобы помогать.

Дверь ворот громко захлопнулась, заставив вновь всех собак лаять. В кулаке погибал сорняк. К стамеске в урне добавились повилики без семян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.